

УДК 9(И) 470

Соколов Александр Станиславович, д.и.н., профессор кафедры Истории, философии и права, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина», Россия, г. Рязань

e-mail: falcon140770@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ В ПИСЬМАХ ВО ВЛАСТЬ
В СВЯЗИ С КОНФИСКАЦИОННЫМИ МЕРОПРИЯТИЯМИ БОЛЬШЕВИКОВ
В ОТНОШЕНИИ ЦЕННЫХ БУМАГ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ)

Аннотация. Рассматриваются финансовые мероприятия большевиков после революции 1917 г. Исследуются действия власти в рамках реализации декрета об аннулировании государственных займов. Анализируются настроения населения в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг. Особое внимание уделяется проблеме наличия у населения элементов рыночного сознания в условиях реализации радикальной модели советского общества

Ключевые слова: аннулирование займов, гражданское сознание, революция, социальная история, ценные бумаги

Sokolov Alexander Stanislavovich, Dr. Sci. in History, professor of the department of History, philosophy and law, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Russia, Ryazan

E-mail: falcon140770@yandex.ru

ELEMENTS OF CIVIC CONSCIOUSNESS IN LETTERS TO THE
AUTHORITIES IN CONNECTION WITH THE CONFISCATION MEASURES OF

THE BOLSHEVIKS IN RELATION TO SECURITIES (BASED ON THE
MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ECONOMICS)

Abstract. Examines the financial activities of the Bolsheviks after the 1917 revolution. Examines the actions of the government in the framework of the decree about cancellation of state loans. Analyzed the mood of the population in connection with the confiscatory actions of the Bolsheviks in respect of the securities. Special attention is paid to the problem of the availability of the population elements of market consciousness in the conditions of realization of the radical model of Soviet society

Keywords: cancellations, civic consciousness, revolution, social history, securities

Этап российской истории после 1917 г. чрезвычайно интересен, в том числе с точки зрения изучения эволюции настроений различных социальных групп в связи с первыми мероприятиями большевистской власти. Первое послереволюционное десятилетие – период чрезвычайно насыщенный драматическими событиями и фундаментальными общественными сдвигами. Можно согласиться с мнением А.Я. Лившина, что к 1917 г. гражданское общество в России находилось на начальной стадии становления, а сложившиеся внешние и внутренние условия в силу своей противоречивости блокировали этот процесс [6; 133]. Анализ различных форм апелляции к власти первых послереволюционных лет показывает, что Россия вступила в революцию с массово ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием исчерпанности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. При этом, нельзя категорически утверждать, что настроениям подавляющего большинства людей, как в городе, так и в деревне был присущ сверхрадикализм и желание немедленно, именно здесь и именно сейчас разрушить все «до основания» и начать создавать невиданное в мировой истории общество [7; 152].

В условиях революционных катаклизмов сохранялись островки рационализма, социальной ответственности и стремления мирно и законно отстаивать свои интересы. Убедительным подтверждением наличия в 1917–1918 гг. у части социума элементов гражданского сознания является достаточно обширный комплекс документов (писем, ходатайств, обращений во власть) в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг и доходов от них. От этих действий пострадали широкие социальные слои, сотни тысяч держателей акций, облигаций, государственных и иных процентных бумаг.

В период кризиса начала XX в., а затем русско-японской войны и первой русской революции были выпущены займы в 1904–1906 гг. и 1909 г. Активное использование правительствами России государственных кредитных операций, масштабы которых особенно возросли в годы Первой мировой войны, привело к возрастанию государственного долга. До февраля 1917 г. царское правительство шесть займов на сумму 8 млрд руб. [11; 32]. Временное правительство выпустило 5% «Заем свободы». В августе 1917 г. было издано постановление о выпуске внутреннего 4,5% гарантированного правительством железнодорожного займа. По данным «Справки о государственном долге России на 21 января 1918 г.» за период с 20 октября 1916 г. и до конца 1918 г., государственная задолженность к моменту ее аннулирования составляла 55 млрд руб. Из этой суммы долгосрочные займы составляли 39,3%, а краткосрочные 60,7% [3; 87]. В период Первой мировой наблюдалось поступательное движение отечественных сберегательных учреждений. За период с 1 июля 1914 г. по 1 октября 1917 г. прилив новых вкладов в сберегательные кассы наличными деньгами и процентными бумагами составил 4831,8 млн руб. [4; 164]. Таким образом, до революции в России возник и быстро рос слой мелких вкладчиков.

После прихода к власти Ленин подготовил проект декрета о национализации банков и необходимых для этого мероприятиях, где указывалось, что «Государственные займы, внешние и внутренние,

аннулируются (уничтожаются). Интересы мелких владельцев облигаций, а равно всех акций, т.е. владельцев, принадлежащих к трудящимся классам населения, полностью обеспечиваются». 29 декабря 1917 г. за подписями Ленина и Менжинского был принят декрет СНК о прекращении платежей и купонов по дивидендам. Он сыграл роль подготовительной меры к аннулированию государственных займов, поскольку запрещал всякую оплату купонов и любые сделки с ценными бумагами.

В начале января 1918 г. Главный комиссар Госбанка Г. Пятаков отправил директиву всем конторам и отделам, в которой настаивал «немедленно прекратить всякие операции с процентными бумагами, акциями и облигациями разных учреждений, куплю, продажу, выдачу ссуд, а также и выдачи по специальным текущим счетам обеспеченным процентными бумагами, акциями, облигациями. Исключение возможны в самых крайних случаях при условии разрешения местным Советам депутатов при санкции комиссара Банка» [9, л. 10]. 29 января 1918 г. Президиум ВЦИК принял декрет, в котором говорилось: «1. Все государственные займы, заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазии...аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г. ...2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы. 4. Краткосрочные обязательства и серии Государственного казначейства остаются в силе. Проценты по ним не уплачиваются, а самые их облигации имеют хождение наравне с кредитными билетами» [3; 91]. Таким образом, принятая актом советская власть полностью отказывалась от какой-либо преемственности по части государственного долга. В Конституции РСФСР 1918 г. данное мероприятие выглядело «как первый удар международному банковскому капиталу» [10; 153]. Практически сразу после издания этого декрета появились критические замечания на его содержание со стороны профессиональных экономистов, которые подчеркивали, что декрет о государственном банкротстве, носит не финансовый, а социально-

политический характер, и направлен прежде всего на экспроприацию капиталистов – держателей ценных бумаг. Однако «для всякого непредубежденного человека совершенно ясно, что от этого декрета пострадает не буржуазия, а средние слои населения, поместившие свои трудовые сбережения и займы государства, оказав последнему в тяжелые минуты отечества поддержку» [1; 167].

Публикация Декрета об аннулировании государственных займов была для населения очень неожиданной и вызвала растерянность. Так, в апреле и 1918 г. Комитет общества служащих Вяземского отделения Государственного банка обратился в Государственный банк с письмом, в котором подчеркивал, что «в настоящее время, в силу аннулирования процентных бумаг, одни из служащих потеряли все то, что путем долгого и упрямого труда им пришлось сберечь, а другие, открывшие онкольные текущие счета и уплатившие только разницу между залоговой и курсовой стоимостью и ставшие таким образом должниками Банка, должны будут уплатить то, чего фактически никогда не имели» [2; 38].

Противоправные, с точки зрения нормального обыденного сознания, конфискационные действия властей вызвали целый поток апелляций «во власть». Характерно, что люди не посылали на головы властей проклятья и не угрожали взяться за оружие. Они скрупулезно анализировали опубликованные официальные документы, пытались отыскать в них противоречия и ссылаясь на букву соответствующих постановлений и инструкций. В Российском архиве экономики, в фонде ВСНХ, сохранился комплекс писем граждан, направленных в различные государственные структуры и лично руководителям РКП(б), с просьбой вернуть денежные средства за приобретенные до декабря 1917 г. ценные бумаги. В апреле 1918 г. директор Вологодского Александровского реального училища ходатайствовал перед культурно-просветительским отделом местного исполкома об оказании материальной помощи беднейшим ученикам т.к. все стипендиальные суммы училища были размещены в прежних государственных займах. [8, л. 57]. Письмо дошло до наркома просвещения

Луначарского, который просил ВСНХ внести на счет Наркомпроса суммы равной аннулированному капиталу. В телеграмме из Хабаровска, направленной в Наркомат финансов просили разъяснить, что предпринять в отношении «облигаций и военных займов 16 годов, займа Свободы» т.к. основным вкладчиком являлась беднота [8, л. 50]. Управление делами Елизаветы Федоровны Романовой просило новую власть обеспечить выплату пенсий служившим при дворе великого князя Сергея Александровича. Пенсионный фонд в сумме 776 тыс. 50 руб., размещенный в различных облигациях внутренних займов хранился в Петроградской конторе Госбанка, и уплата процентов по купонам была прекращена. «Прекращение выдачи пенсионерам пенсий ставит их в тяжелое материальное положение в особенности в настоящее трудное время, большая часть которых народ нуждающийся и неработоспособный», – указывалось в письме [8, л. 26].

На документе имеется резолюция: «Отказать без мотивировки». В письме Кинешемского совета, направленного в финансовый отдел ВСНХ, сообщалось, что в феврале 1917 г. брат генерала Рузского внес в кассу земства 10 тыс. руб., на которые были куплены облигации 5 % военного займа. В виду крайней нужды земства местный совет просил «снять аннуляцию». В просьбе было отказано [8, л. 4]. Начальник военной бригады ходатайствовал в Департамент Государственного Казначейства о выдаче бывшему Лужскому уездному воинскому начальнику подполковнику Бариловичу, который покинул свой пост в марте 1917 г. ввиду явно враждебного отношения солдат, личных сбережений в размере 4 500 рублей процентными бумагами. Департамент Государственного Казначейства не нашел возможным сделать это [9, л. 13, 16]. В сентябре 1918 г. Рязанская Казенная Палата обратилась с вопросом в Департамент Государственного Казначейства о возможности возврата залогодателям аннулированных процентных бумаг. Член коллегии НКФ по делам финансов Закев ответил, что аннулированные бумаги не могут быть выдаваемы собственникам [9, л. 47]. Беспокойство относительно сбережений высказывали и трудящиеся предприятий. В письме датированным февралем 1918 г. рабочие

государственного фарфорового и стеклянного завода, сообщали, что в 1916 г. они приобрели облигации 5 ½ % краткосрочного военного займа на сумму 33 650 руб. Участники подписки, обеспокоенные участием внесенных ими средств, настойчиво просили выдать им бумаги, либо вернуть деньги [8, л. 88]. В большей степени проблема аннулирования ценных бумаг коснулась деревни. В одном из писем крестьянин Тульской губернии Марков жалуется, что бумаги военного займа были приобретены «из патриотизма», на «нажитые своим честным и правильным трудом» деньги. Высказывалась просьба открыть под упомянутые процентные бумаги кредит для постройки дома [8, л. 7]. В другом письме рядовой крестьянин ссылается на то, что в государственных бумагах помещены его «небольшие сбережения трудовые» (а отнюдь не эксплуататорские) [6; 146].

Общее, что объединяет данный комплекс писем – рациональность аргументов, скрупулезное описание последовательности действий просителей при обращении в различные инстанции с просьбой добиться выполнения самой же Советской властью принятого закона в той его части, где говориться о смягчении грабительских правил.

Рационализм сознания рождает и рациональный дискурс: в текстах соответствующих по проблематике писем гораздо больше говориться о законе. О праве, нежели о «правде» и «справедливости» [6; 146]. Здесь проявилось гражданский протест против насилия над законом. Существенна и значима форма проявления несогласия с действиями властей и способы реализации стремления защитить свою собственность и инвестиции. По типу ценностной ориентации и содержанию ценностей, по характеру мотивации менталитет большинства авторов писем обладает набором основных признаков гражданского конституционного сознания. Здесь проявилась, отчасти, психология среднего класса, нарождавшегося в России накануне революции.

Представители большевистской власти заявляли, что они учитывают сложившуюся ситуацию, и, следовательно, обязательства Займа свободы будут погашены. В рязанской газете «Искра» в феврале 1918 г. появилась статья, в

которой говорилось, что лица, отказывающиеся принимать облигации «Займа Свободы», как денежные знаки по номинальной стоимости, подлежат преданию суду и караются по всей строгости революционных законов [5; 21 февраля]. Когда же подошло время выполнять обещания, то большевики заговорили о приоритете классовой борьбы. Здесь проявилось желание новой власти разорить врага, определяемого по критерию социального происхождения независимо от свойств его личности. В письме Грайворонского финотдела в уездный исполком сообщалось, что облигации Украинские шаги «совершенно аннулированы в виду того, что в подавляющем своем большинстве фальшивы», при этом интересы держателей нефальшивых облигаций принципиально упускались из виду [10; 153].

Учитывая интересы владельцев аннулированных займов, Советское правительство разрешило Народному банку РСФСР выдавать ссуды и приобретать ценные бумаги, принадлежащие малоимущим. Окончательный порядок был определен Декретом Совнаркома от 26 октября 1918 г., по которому курсовая стоимость зарегистрированных облигаций, принадлежащих малоимущим держателям зачислялась в пределах до 10 тыс. руб. по номиналу на их текущие счета в Народном банке или на их книжки в сберегательных кассах.

Полученные большевиками от аннулирования ценных бумаг средства были ничтожно малой величиной по сравнению с тем убытком, который понесла Россия от гражданской войны и иностранной интервенции.

Библиографический список

1. Голицын Ю.П. Фондовый рынок дореволюционной России. М.: ММВБ, 2010. 178 с.
2. Голицын Ю.П. «До основания, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М.: Перо, 2017. 293 с.

3. История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. М.: ИНФРА-М, 2002. 512 с.
4. История Сбербанка России (1841–1991 гг.) /под ред. А.И. Казьмина. М.: Любима, 2007. 358с.
5. Искра. 1918. 21 февр.
6. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. М.: Издательство «Университетский гуманитарный лицей», 2004. 272 с.
7. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР. Оп. 2. Д. 84.
9. РГАЭ. Ф. 7733. Министерства финансов СССР. Оп. 1. Д.3227.
10. Харченко К.В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. М.: Русский двор, 2000. 264 с.
11. Ходяков М.Б. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2009. 224 с.